

УДК 821.111+821.111(73)

**ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ ДВОЙНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ Р. СТИВЕНСОНА
«СТРАННАЯ ИСТОРИЯ ДОКТОРА ДЖЕКИЛА И МИСТЕРА ХАЙДА», Э. ПО «ВИЛЬЯМ
ВИЛЬСОН» И М. ТВЕНА «КОЕ КАКИЕ ФАКТЫ, ПРОЛИВАЮЩИЕ СВЕТ НА НЕДАВНИЙ
РАЗГУЛ ПРЕСТУПНОСТИ В ШТАТЕ КОННЕКТИКУТ»****М.С. ВЕРИНА***(Представлено: канд. филол. наук, доц. З. И. ТРЕТЬЯК)*

Рассматриваются общие и отличительные черты образов-двойников в повестях Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», Э.А. По «Вильям Вильсон» и М. Твена «Кое-какие факты, проливающие свет на недавний разгул преступности в штате Коннектикут». Проанализированы образы двойников и сам мотив двойничества в английской литературе XIX века, предлагается типология персонажей-двойников в данных литературных произведениях, а также представлен способ интерпретации мотива двойничества.

Тема двойничества, когда в человеке борются возвышенные порывы и низменные инстинкты, была популярна у английских и американских писателей XIX века. Она отразилась в творчестве самых разных писателей, таких как О. Уайльд «Портрет Дориана Грея» (*The Picture of Dorian Gray*, 1891), Р.Л. Стивенсон «Маркхейм» (*Markheim*, 1885) и др. Мотив двойничества имеет глубокие корни, уходящие в мифы, саги и сказки многих народов мира. Позже мотив превращений можно увидеть в античной литературе, а именно в «Метаморфозах» Овидия, где рассказываются легенды о превращении богов и людей в животных и неодушевлённые предметы: камни, растения, и где также можно наблюдать соединение фантастики с реальностью. Это можно заметить в изображении героев: с одной стороны – это сказочные мифологические фигуры, а с другой – обычные люди, наделённые своими пороками и чертами внутреннего облика. Мотив двойничества особенно прослеживается в мифе о Нарциссе, который был до сумасшествия влюблён в собственное отражение, что в последствие и привело его к гибели. Здесь печальная участь Нарцисса обусловлена проявлением его собственной воли. Нарцисс является одновременно виновником и жертвой собственного неразрешимого конфликта. Посредством зеркального отражения личности героя возникает феномен двойственности. На протяжении многих веков символ двойника показывает о делении некой системы на две противостоящие друг другу части, и такими системами могут быть человеческая личность, его душа или целый мир. *«Испокон веков человека сопровождали страх смерти, страх утраты, страх боли... Но один из самых изысканных ужасов, томящих душу, – страх перед самим собой. В этом кошмаре сливается сразу всё: ты боишься лишиться своего хрупкого мира, боишься оказаться в бескрайнем море отчаяния, потому что знаешь, какая это пытка. И самое главное – боишься, что тебя уничтожит твой самый безжалостный и непостижимый враг: человек с твоим лицом»* [7, с. 198–103].

По своему характеру обобщённости, образы-двойники в произведениях Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (*Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde*, 1886), Э.А. По «Вильям Вильсон» (*William Wilson*, 1840) и М.Твена «Кое-какие факты, проливающие свет на недавний разгул преступности в штате Коннектикут» (*The facts concerning the recent carnival of crime in Connecticut*, 1876) можно назвать типичными для эпохи XIX века. Поэтому их можно отнести к категории так называемых вечных образов, в которых запечатлены социально-исторические приметы эпохи XIX века. Авторы своим мастерством воссоздали общечеловеческие черты характера того или иного героя. В трёх произведениях отрицательные образы изображены так же ярко и подробно, как и положительные. Отрицательные герои здесь представлены как антиподы положительным со своими коварными замыслами и низменными порывами. Общее, что объединяет произведения Р. Стивенсона, М. Твена и Э.А. По: мотив героя-двойника, который рассматривается через призму внутреннего конфликта основных героев. Все три произведения сочетают в себе своеобразный способ отображения действительности, который соединяет детективный сюжет, фантастику, мистицизм и глубокий психологизм. Детективный сюжет ярко воплощён у Р. Стивенсона в расследовании нотариусом Аттерсоном мотивов и действий доктора Джекила и его связи со злобным мистером Хайдом. Автор, посредством создания характера главного героя доктора Джекила, точно показывает картину противоречивости своей эпохи, для которой характерны проповедь нравственных ценностей, трудолюбия, добродетельности, что часто подталкивало людей к двойной жизни, двуличию и лицемерию. Именно конфликт такого типа и лег в основу всех трёх повестей. Мистицизм и психологизм героев представлен в самом мотиве двойничества потому, что в данных произведениях он вызывает чувство страха, показывает действия героя в стремлении убежать

от собственной совести. Историк литературы Великобритании и США А.Н. Николукин утверждал, что «действия героя в повести "Вильям Вильсон" символизируют "бесконечный бег" героя не только от своей преступной совести, но и от своего века, от своего общества, от самого себя. Таким способом Э.А. По также пытался выразить свой романтический протест против современных условий человеческого существования» [9, с. 211–212]. Н.Я. Дьяконова считает, что в повести Р. Стивенсона ставились вопросы, касающиеся «отношений людей в развитии, становлении, движении и противоречивости» [10, с. 94–104]. Глубокое и детальное изображение внутреннего мира героя проявляется в письме доктора Джекила, в котором он рассказывает, с какой целью он стремился раздвоить собственную личность, и к каким трагическим последствиям это привело. Письмо является своеобразной исповедью, в которой можно увидеть неразрешимость внутреннего конфликта главного героя, неизбежность в противостоянии доброй личности и злой.

Основные общие черты, которые присущи двойникам всех трех произведений следующие: все герои-двойники являются вымышленными персонажами, воплощенные авторами произведений. Если сравнить чувства, которые двойники порождали у других, то все они вызывали лишь омерзение, дикое отвращение у окружающих людей: «*this little person was a deformity as a whole a vague, general, evenly-blended, nicely-adjusted deformity*» (Это маленькое существо было воплощением уродства - неувидимого, однако равномерно распределенного, хорошо пригнанного уродства) [3, р. 52]. В произведениях можно заметить, что мир реальной действительности с его реальными героями, такими как доктор Джекил представлен как мир эпохи XIX века со всеми ее кризисными явлениями и пороками, а мистическое пространство с образом-двойником мистером Хайдом, представлено как метафора, отсылающая к средневековому жанру видения [13, с. 79].

Обычно двойники являются неким дьявольским воплощением зла, герои подчеркивают их «печалью Сатаны». В.В. Набоков утверждал, что «в Хайде Стивенсон хотел изобразить зло, наглухо отгороженное от добра» [11, с. 260]. Так же говорил и Г.П. Злобин о повести «Вильям Вильсон», отмечая мастерство Э.А. По, «тонко и беспощадно прослеживающего постепенное душевное и нравственное падение человека» [8, с. 25]. Герои на протяжении всего рассказа воюют со своей совестью, как, например, доктор Джекил, внутренний конфликт которого выражается в противостоянии тех «высоких идеалов», в желании держать голову высоко, в его чувстве собственного достоинства, в осознании его высокой добродетельности и нетерпеливым стремлениям к удовольствиям. Такой же конфликт выражается в повести «Вильям Вильсон» в противоборстве главного героя со своим старым приятелем-одноклассником, который во всем схож с героем, и отличало их лишь то, что «*my rival had a weakness in the faucal or guttural organs, which precluded him from raising his voice at any time above a very low whisper*» (У моего соперника были, видимо, слабые голосовые связки, и он не мог говорить громко, а только еле слышным шепотом) [2, р. 343]. У М. Твена совесть признает себя «самым безжалостным врагом» своего хозяина, которого она должна поучать, но в основном она его только тиранизирует и упрекает за все его пороки и злые проступки.

Анализируя сюжетные элементы произведений, следует отметить: все три повести имеют общую тему, которая заключается в противостоянии в человеке доброго и злого начала. Все три автора стремились передать внутренний конфликт героев в эпоху XIX века. Авторы очень ярко показали тип романной проблематики своих произведений, которая выражается в противостоянии добра и зла, противоборстве «высоких» рвений, добрых поступков и «низменных» инстинктов, корысти, меркантильности и желания совершать преступления. В этом случае мы имеем дело с таким подтипом романной проблематики, как идейно-нравственная. В данных произведениях акцент делается на динамике, на различных изменениях, как во внешности героев, так и во внутреннем мироощущении, в отношении к действительности. В центре произведений стоит философский поиск героя, стремление ответить на вечные вопросы о добре и зле, показать процессы нравственного и идейного самоопределения личности [14, с. 50-51]. Ведущий эмоциональный тон трёх произведений показывает яркий пример пафоса романтики. Этот вид авторской эмоциональности иллюстрирует неустрашимый разрыв между окружающей героя действительностью и стремлением к возвышенным идеалам. Герой здесь находится в разладе с самим собой, он – причина возникновения своего внутреннего конфликта и его жертва одновременно. Исследовательница творчества Э.А. По Э.Ф. Осипова утверждала, что «в поступках героя Вильяма Вильсона автор показывает свою романтическую трактовку такого свойства человеческой психики, как своеволие» [12, с. 78]. Главными кульминационными моментами произведений являются те части, где герои сражаются со своим самым злейшим врагом и те решения, которые герои принимают, находясь лицом к лицу со своей совестью. В повести М. Твена самый напряжённый момент - момент убийства героем злобного карлика, когда в гости приехала тётя. Кульминация в повести «Вильям Вильсон» представлена в моменте сражения Вильяма Вильсона со своим двойником на карнавале в Риме. Также и у Р. Стивенсона, кульминационным является момент осознания доктором Джекилом того, что у него больше нет ни моральных, ни

духовных, ни лекарственных (т.к. запасы порошка иссякли) средств, чтобы сражаться со своей «темной» стороной и момент его решения отравиться цианистым калием. Однако момент развязки каждый автор выразил по-своему: у Р. Стивенсона это письмо с объяснением, раскаянием и осознанием своих поступков, осознание того, что может произойти, если попытаться отделить злое составляющее личности от доброго. Развязка - тот самый момент, когда Джекил поясняет, что *«man is not truly one, but truly two. <...> It was on the moral side, and in my own person, that I learned to recognise the thorough and primitive duality of man»* (Я понял, что человек на самом деле не един, но двоичен. <...> В своей личности абсолютную и изначальную двойственность человека я обнаружил в сфере нравственности) [1, p. 106]. Эта развязка очень точно указывает на неразрешимость внутреннего конфликта героя, в невозможности примириться со своей «тёмной» стороной и в невозможности от нее избавиться. Развязка у М. Твена в целом похожа на развязку у Э.А. По: оба героя понимают, что избавившись от преследования собственной совести, они обретут полную свободу действий. У М.Твена герой жаждет убить совесть в образе мерзкого и тошнотворного карлика. Так же и в «Вильям Вильсон», главный герой, завидовавший своему двойнику в школьные годы за то, что он мастерски подражал ему во всем, всю жизнь пытался обрести свободу от непрощенных советов и обвинений своей совести за то, что вёл разгульный образ жизни, придавался при- скорбному распутству и совершенной праздности. В финале обоих произведений герои понимают, что теперь, когда они избавились от своих двойников, они могут спокойно, без досады *«свести старые сче- ты и начать новую жизнь, совершить еще десятки всевозможных преступлений и извлекать из своей деятельности максимум удовольствия»* (I have also committed scores of crimes, of various kinds, and have enjoyed my work exceedingly) [4, с. 229].

В произведении Э.А. По присутствует эпитафия: *«What say of it? what say of CONSCIENCE grim, that spectre in my path?»* (Что скажет совесть, злой призрак на моем пути?) из «Фарониды» В. Чемберлена (Pharonnida, 1659) [5, с. 49]. Этот эпитафия уже говорит о самой проблеме повести, о том, что какие бы поступки и злодеяния герой не совершал, призрак его совести будет преследовать его постоянно и напоминать о его чести и пороках. Интересен и эпилог в произведении М. Твена, в котором даются сведения о последующей жизни героя, которая после уничтожения собственной совести стала блаженством: *«Since that day my life is all bliss. Bliss, unalloyed bliss. Nothing in all the world could persuade me to have a conscience again»* (С этого дня моя жизнь - сплошное блаженство. Никакая сила в мире не заставит меня снова обзавестись совестью) [3, p. 66]. Самый главный композиционный приём, который можно заметить в трёх произведениях – это, конечно же, противопоставление. Этот композиционный прием основан на антитезе контрастных образов, в данном случае это противопоставление положительного и отрицательного образа. В произведениях достаточно развит описательный элемент, ведь действие всех трёх повестей происходит на фоне урбанистических пейзажей и построек: *«My earliest recollections of a school-life, are connected with a large, rambling, Elizabethan house, in a misty-looking village of England, where were a vast number of gigantic and gnarled trees, and where all the houses were excessively ancient»*(Самые ранние мои школьные воспоминания связаны с большим, несуразно построенным домом времен королевы Елизаветы, в туманном сельском уголке, где росло множество могучих шишковатых деревьев и все дома были очень старые) [2, p. 338] . Приём антитезы можно заметить в различиях при описании дома доктора Джекила и одной из его комнат. Нотариус Аттерсон описывает комнату как *«a large, low-roofed, comfortable hall, paved with flags, warmed (after the fashion of a country house) by a bright, open fire, and furnished with costly cabinets of oak»* (Большую уютную прихожую с низким потолком и каменным полом, где (точно в помещичьем доме) пылал большой камин, а у стен стояли дорогие дубовые шкафы) [1, p. 26]. Он считает эту комнату *«the pleasantest room in London»* (Самой приятной комнатой в Лондоне) [1, p. 27]. Это описание символизирует положительную сторону, как личности Джекила, так и английского города XIX века. Но описание дома доктора уже во многом отличается. Фасад его дома олицетворяет некую «тёмную» сторону в доме Джекила, описывается как *«a certain sinister block of building thrust forward its gable on the street»* (Как раз там высилось массивное здание) [1, p. 4]. Автор в двойственности доктора Джекила и мистера Хайда изобразил то, насколько отличаются кварталы английского города XIX века: на фоне фешенебельных построек знати располагались трущобы и кварталы для нищих. У Р. Стивенсона большую роль в объяснении двойственности героя играют такие аспекты композиции, как символы. В «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» заметную роль играет символ зеркала, который поначалу является показателем внешних изменений героя, а позже становится показателем тупика во внутреннем конфликте героя и тупика в его жизни, в который он себя сам привёл: *«Bounding from my bed I rushed to the mirror. At the sight that met my eyes, my blood was changed into something exquisitely thin and icy. Yes, I had gone to bed Henry Jekyll, I had awakened Edward Hyde»* (Вскочив с постели, я бросился к зеркалу. <...> Да, я лег спать Генри Джекилом, а проснулся Эдвардом Хайдом) [1, p. 119]. На протяжении всего произведения доктор Джекил, Аттерсон и Энфилд, как жители Англии викторианской эпохи, стремились сохранить свою репутацию и избегали любых сплетен.

Нотариус верен нравам и нормам своей эпохи, и стремится всеми путями сохранить репутацию доктора Джекила, внешний вид порядка и приличия, хотя сам давно чувствует, что доктор что-то скрывает. Этот символ приличия и репутации указывает на историческую основу произведения.

Временная организация повествования в повести Р. Стивенсона свидетельствует о некоей двойственности, а конкретно, о противоборстве дня и ночи. Ночь представлена как «тёмное» время суток, время, когда двойник совершает свои преступления. Мистер Хайд под покровом ночи чувствует себя свободно потому, что это время суток отражает его «тёмный» характер. На примере сравнения двух образов – доктора Джекила и мистера Хайда можно сказать, что главное отличие отрицательной личности от положительной в том, что мистеру Хайду чуждо какое-либо приличие и репутация. Хайду все равно на общественное мнение, на все рамки, в которые человека загоняет общество, порицание и прочие «социальные глупости». Его личность – это только он и его потребности, в том числе и во зле, как способе выразить свое отношение к этому хрупкому порядку эпохи. В его фамилии Хайд, которая означает «прятать» (hide) отражается сама сущность героя. Она говорит о том, что в каждом человеке есть нечто скрытое, что однажды может вырваться наружу. Это злое начало может превзойти над добрым началом и способно сделать из человека злодея, которому будет чуждо добро. Также внимание привлекает само название произведения Э.А. По. Здесь же можно заметить тайну в названии произведения «Вильям Вильсон», которое уже показывает на некое родство и близкую взаимосвязь двух образов. Можно заглянуть в словарь и заметить: «*will is an expressing a strong intention or assertion about the future*» [15, p. 2030]. Само слово «will», которое в переводе означает «воля» здесь понимается как некий порыв, стремление, и именно к осуществлению всех своих желаний стремится Вильям Вильсон.

Во внешней характеристике двойников можно заметить много общего, а конкретно то, что все они являются «воплощением уродства», их объединяет маленький рост, их черты лица и манера, которые выражают злобу. Отчасти двойники даже внешне схожи со своими хозяевами. В произведении «Кое-какие факты, проливающие свет на недавний разгул преступности в штате Коннектикут» главный герой говорит о своей схожести с мерзким карликом: «*This vile bit of human rubbish seemed to bear a sort of remote and ill-defined resemblance to me! It was dully perceptible in the mean form, the countenance, and even the clothes, gestures, manner, and attitudes of the creature. He was a far-fetched, dim suggestion of a burlesque upon me, a caricature of me in little. <...> The sight of it was nauseating*» (Карлик смутно напоминал меня выражением лица, жестами, манерой и даже одеждой. У него был такой вид, словно кто-то неудачно пытался сделать с меня уменьшенный карикатурный слепок. <...> Вид у него был просто тошнотворный) [3, p. 52]. В этих отвратных образах авторы выражали своё отношение к существующей эпохе, её людям и нравам. В «Вильям Вильсон» образ-двойник полностью копирует своего героя не только во внешности, но и в поведении, в желании перечить и мешать друг другу. Герой даже предполагает, что они могли бы быть близнецами ибо «*I casually learned that my namesake was born on the nineteenth of January, 1813 - and this is a somewhat remarkable coincidence; for the day is precisely that of my own nativity*» (Тезка мой родился девятнадцатого января 1813 года, - весьма замечательное совпадение, ибо в этот самый день появился на свет и я) [2, p. 342]. Трагизм и драматизм той эпохи показывается через общую судьбу всех героев и их двойников. В финале произведений герои погибают, и в данном случае эта смерть рассматривается не как физическая, а в духовном плане. Смерть – это результат бессилия героев перед внешними обстоятельствами и невозможностью противостоять самим себе.

Проанализировав сюжетные элементы произведений Р. Стивенсона, М. Твена и Э.А. По можно сказать, что они имеют общую тематику, конфликт и проблематику. Герои трёх повестей преследуют одну общую цель – избавиться от воплощения собственного альтер-эго. Можно заметить, что двойники, по отношению к главным героям произведений, сочетают в себе принижённую окраску как во внешней характеристике, так и во внутреннем мироощущении. Это можно наблюдать в уродливой внешности, в низком росте, в тихом, как шёпот, голосе и в безнравственном отношении к людям и окружающей действительности. Например, описание внешности Джекила резко разнится с описанием Хайда: «*Доктор Джекил не был исключением из этого правила, и теперь, когда он расположился по другую сторону камина - крупный, хорошо сложенный, молоджавый мужчина лет пятидесяти, с лицом, быть может, не совсем открытым, но, бесспорно, умным и добрым*» (And as he now sat on the opposite side of the fire – a large, well-made, smooth-faced man of fifty, with something of a stylish cast perhaps, but every mark of capacity and kindness) [6, c. 407]. Благодаря приёму антитезы авторы показали резкий контраст между двумя личностями и их характерами. Несмотря на то, что образы-двойники во многом схожи друг с другом во всех трёх произведениях, каждый автор вложил в свой образ некую индивидуальную, отличительную от других образов, черту. Это можно проследить в самой причине появления двойника в жизни героев. У М. Твена и Э. По злобные двойники являются воплощением совести героев и преследуют их на протяжении всей жизни. Отличие рассказа «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» в том, что главный герой становится заложником собственных прихотей и внутренних противоречий, и создает

своего двойника сам, перевоплощаясь в него при помощи синтезированного препарата. Герой изначально был свободен от своей «тёмной» личности, однако все моральные и духовные установки в обществе эпохи не позволяли ему «сбросить с себя этот временный наряд и, подобно вырвавшемуся на свободу школьнику, кинуться в море распущенности» (*Like a schoolboy, strip off these lendings and spring headlong into the sea of liberty*) [6, с. 448]. Таким образом, свободный и осознанный выбор доктора Джекила стал неуправляемым: «*I had gone to bed Henry Jekyll, I had awakened Edward. <...> I was led to remark that whereas, in the beginning, the difficulty had been to throw off the body of Jekyll, it had of late gradually but decidedly transferred itself to the other side*» (Да, я лег спать Генри Джекилом, а проснулся Эдвардом Хайдом. <...> Я пришел к выводу, что если вначале труднее всего было сбрасывать с себя тело Джекила, то в последнее время труднее всего стало вновь в него облекаться. Таким образом, все наталкивало на единственно возможный вывод: я постепенно утрачивал связь с моим первым и лучшим «я» и мало-помалу начинал полностью сливаться со второй и худшей частью моего существа) [1, р. 119–121]. Поэтому у Р. Стивенсона сам процесс перевоплощения Джекила был попыткой избавиться от злого греховного начала, попыткой отделить злого человека от доброго в самом себе, то есть персонифицировать зло в абсолютно другой личности. Если исследовать сами цели двойников глубже, то можно заметить отличительную черту у каждого автора: у М. Твена и Э.А. По они являются с своим героям с целью упрекнуть их за пороки, навести их на истинный путь, как, например, у М. Твена, когда совесть в образе карлика пыталась вывести героя «на чистую воду», пыталась заставить его раскаяться. У Р. Стивенсона же, посредством действий и поступков злобного двойника раскрывается трагическое противоречие, с которым не мог примириться доктор Джекил. Это противоречие заключается в том, что зло является естественным составляющим человеческой личности, которую невозможно преодолеть человеку в самом себе и которую нельзя отделить. Здесь нельзя не упомянуть о вкладе Э. По, который своей повестью «Вильям Вильсон» показал картину распада личности и разрушения её психики вследствие неразрешимости внутриличностного конфликта и неизбежности трагического финала. Новаторство и отличие Э.А. По от Р. Стивенсона или М. Твена состоит в том, что он отошел от изображения образа двойника, как воплощение злой и «темной» стороны человека. В «Вильям Вильсон» двойник является воплощением доброго начала, двойник наоборот, всеми путями старается оберечь своего героя от злых поступков, которые, как утверждал он, способны «привести меня к тем ошибкам и глупостям, какие столь свойственны людям молодым и, казалось бы, неопытным» (*I can recall no occasion when the suggestions of my rival were on the side of those errors or follies so usual to his immature age and seeming inexperience*) [5, с. 60].

Проанализировав и сравнив двойников у трёх авторов мы выяснили, что в психологической повести Роберта Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», в рассказе Эдгара Аллана По «Вильям Вильсон» и в рассказе Марка Твена «Кое-какие факты, проливающие свет на недавний разгул преступности в штате Коннектикут» посредством двойников героев показан трагизм эпохи XIX века, обнаружено, что скрытый моральный и духовный смысл можно найти не только в самом мотиве двойственности личности, но и в именах персонажей, в их поступках, стремлениях и решениях. Все эти мотивы и поступки влияют на сам ход повествования и на дальнейшую судьбу главных героев. Феномен двойничества в нашей статье интерпретируется как расщепление сознания личности на две противостоящие сферы, внутренний конфликт которой персонифицируется в образе двойника. Эта тема приобретает все большее обострение в такие переломные моменты историко-культурного развития, когда ощущается кризис в человеческом мироощущении, в сознании и нравах людей. Мы выяснили, что каждое произведение способно научить многим моральным и нравственным аспектам жизни, показать то, к чему способно привести стремление убежать от судьбы, стремление быть благородным, праведным и жестоким одновременно, и даже стремление к опытам над самим собой посредством синтезированного наркотика. Данные характеристики важно учитывать при изучении самого мотива образа-двойника как средства разделения личности на разные составляющие, так как они помогают определённым образом показать каждый образ и его природу. Поэтому можно сделать вывод, что феномен двойничества, существующий еще с древности и являющийся достаточно изученным мотивом, является обширным предметом для разной интерпретации, и каждый человек способен понимать и воплощать его на своё усмотрение, активно используя своё мастерство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Stevenson, R. Strange Case of Dr Jekyll and Mr Hyde / R. Stevenson. – London : Longman, 1886. – P. 141.
2. Poe, E. A. William Wilson / E. A. Poe // Edgar Allan Poe : Poetry and Tales / ed. : P. F. Quinn. – USA : Library of America, 1984. – P. 1408.
3. Twain, M. The Facts Concerning the Recent Carnival of Crime in Connecticut / M. Twain // The best short stories of Mark Twain / ed. : L. Bercove. – USA : Modern Library, 2004. – P. 400.

4. Твен, М. Кое-какие факты, проливающие свет на недавний разгул преступности в штате Коннектикут / М. Твен // Собр. соч. в 8 т. : пер. М. И. Беккер. – Москва : Правда, 1961. – Т.1. – С. 446.
5. По, Э. А. Вильям Вильсон / Э. А. По // Убийство на улице Морг: сборник рассказов // под ред. Л. М. Суриса. – М. : «Москва–Берлин», 2016. – С. 337.
6. Стивенсон, Р. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда / Р. Стивенсон // Собр. соч. : в 5 т. : пер. И. Г. Гуровой. – М. «Правда», 1981. – Т. 1. – С. 496.
7. Шельен, Т. Человек с твоим лицом. Доппельгангеры / Т. Шельен // Мир фантастики. – 2013. – Т. 120. – С. 98 – 103.
8. Злобин, Г. П. Эдгар По – романтик и рационалист / Г. П. Злобин // По Э. Стихотворения. Проза. – М. : Худ. лит-ра, 1976. – С. 896.
9. Николукин, А. Н. Американский романтизм и современность / А. Н. Николукин. – М. : Наука, 1968. – С. 412.
10. Дьяконова, Н. Я. О романтизме и реализме в эстетике Р. Л. Стивенсона / Н. Я. Дьяконова // Из истории английской литературы: статьи разных лет / сост. А. А. Чамеев. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 192.
11. Набоков, В. В. Лекции по зарубежной литературе / В. В. Набоков // под ред. В. А. Харитонова. – М. : Независимая газета, 1998. – С. 512.
12. Осипова, Э. Ф. Загадки Эдгара По. Исследования и комментарии / Э. Ф. Осипова. – СПб. : Филол. факульт. СПбГУ, 2004. – С.172.
13. Дорофеева, Л. Г. Визуальность в повести Р.Л. Стивенсона Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» / Л.Г. Дорофеева // Обсерватория культуры. – 2015. – №3. – С. 79 – 84.
14. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие / А. Б. Есин. – М. : Флинта, Наука, 2003. – 3-е изд. – С. 246.
15. Oxford dictionary of English / ed. : A. Stevenson. – Oxford : OUP Oxford. – 2010. – P. 2112.